

Евгения Изварина

Изварина Евгения Викторовна родилась 23.02.1967 в городе Челябинск-65 (ныне Озёрск) Челябинской области. окончила Челябинский государственный институт культуры по специальности «библиотекарь-библиограф». Работает журналистом в газете Уральского отделения РАН «Наука Урала». Автор вышедших в Екатеринбурге книг стихов «Сны о великом плавании» (1996), «По земному кругу» (1997), «Страны ночи» (1999, вместе с книгой О. Дозморова «Пробел»), «Пояс Ориона» (2004), «Голос и ветер» (2007), «Времени родник» (2010). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Север», «Звезда» и др., в сборниках и антологиях. Лауреат литературной премии им. П.П. Бажова (2011). Член Союза писателей России с 2000 г. Участница АСУП-2,3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов Е.И.

Традиции, направления, течения: модернизм, символизм, постмодернизм.

Основные имена влияния, переклички: Е. Баратынский, М. Цветаева, Б. Рыжий, Ю. Казарин, А. Санников.

Основные формальные приемы, используемые автором: многоуровневая метафора, оксюморон, прямое высказывание, обращение, афористичность, тяготение к малым формам (8–10 строк), астрофизичность, отсутствие знаков препинания, анжанбеман, палимпест, герметизм, императивность, идиоматичность, монологизм, полиптическость, претативность, вариативность, интеллектуализм, амфиболия.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: термальные состояния, мёд, размытость, миражность, огонь и пепел (прах), язык, голос, горло, речь, полет и падение, произнесение, религиозная образность (молитва, бог, свеча), растения, душа, вера, дыхание, вода, смерть, ветер, кровь, сердце, небо, приход-уход, облака, стекло, страна, мерца-

ние надежды при общей метаэмоции глухой обреченности и сдерживающего отчаяния, смысловая подвижность.

Творческая стратегия: стоическая и мужественная «попытка речью вычерпать любовь», «выгорание боли», попытка прорыва к единству бытия через взаимопроникновение физического и метафизического, переход интонации во внутренний жест.

Динамика: стихи третьего тома более метафизичны, в них плотность мысли и густота эмоции (очень ощущимые и во втором томе) становятся практически предельными, хотя в целом поэтика меняется незначительно.

Коэффициент присутствия: 0,83

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ

Возможно, главную роль в том, что на многие годы моим увлечением стала литература, сыграли мои родители – Лия Ивановна (в девичестве Маркова) и Виктор Александрович Извариньи. Они постарались пораньше научить меня читать, конечно же, руководили выбором книг для чтения, да и кроме этого сделали все, чтобы развивать природную детскую любознательность в отношении ко всему, что происходит вокруг. В раннем детстве я немало времени проводила также с бабушкой, Валерией Владимировной Марковой. У нее было совсем немного книг, детских – буквально несколько, но зато это были – Жюль Верн, Марк Твен, Тур Хейердал...

Мама моя – родом из Челябинска, из семьи служащих, по образованию – учитель английского языка, но кроме того и по призванию – настоящий педагог. Папа родился в городе Краснодоне. На Дону Извариньи – фамилия казачья, а в дальнейшем – шахтерская. Папа окончил Новочеркасский политехнический институт и всю жизнь проработал инженером-гидрогеологом. По распределению он попал в «закрытый» уральский город Челябинск-65 (ныне Озерск Челябинской области), где я и родилась. Определяющим для города является «атомное» производство, но напрямую наша семья никогда не была с этим связана. Кроме чтения, наиболее «прочным» из моих увлечений в школьном возрасте, да и потом, было рисование, в старших классах наиболее привлекательной профессией мне казалась профессия художника-иллюстратора.

Однако поступила я в Челябинский институт культуры на специальность «библиотекарь-библиограф художественной литературы», и за дальнейшие 4 года учебы в первую очередь хочется благодарить уже не конкретных людей,

Отец, Виктор Александрович Изварин, 1960 г.

Мама, Лия Ивановна Маркова, 1952 г.

а время. Начался период «перестройки» и «гласности» в СССР, и таким образом наша юношеская молодость совпала (если говорить только о событиях в культуре) с возвращением в обиход многих великих имен, и одновременно – бурной активностью молодых талантов. С одной стороны, «обвал» публикаций произведений Серебряного века и последующих лет, а также авторов-диссидентов, с другой – рок-движение и авторская песня, художники-неформалы, театры-студии, фестивали «пропущенного» за 1970–1980-е зарубежного кино... Челябинск жил весьма насыщенной культурной жизнью, и мы, надо сказать, пренебрегали учебой в нашем «институте культуры и отдыха» в пользу спектаклей, концертов, выставок. Как тут было не начать публиковать стихи, которые я по-немногу писала с отрочества, но «всеръез» что-то начало сочиняться только на рубеже 1980–1990-х гг. Ориентирами в поэзии сперва были «шестидесятники»: Вознесенский, Евтушенко, Рождественский, Окуджава, годам к 15–16 – Блок, Цветаева и другие поэты рубежа веков, а теперь к ним присоединились, в частности, Бродский и Галич. Я открывала для себя этих поэтов не только «с листа», но и на слух. В те годы в Челябинске писались и исполнялись талантливейшие песни и целые программы-композиции на стихи самой высокой пробы, и я считаю, что такие авторы-исполнители, как Николай Якимов, Александр Деревягин, Андрей Крамаренко, немало сделали

для становления уральской поэтической школы. После института по распределению я попала в Свердловск, в Центральную научную библиотеку Уральского отделения Академии наук, где работала библиографом, но имела дело не с художественной литературой, а с научными и техническими книгами и журналами на разных языках. Но, к счастью, – также и с людьми. И среди коллег, и среди наших читателей-ученых помню немало интересных собеседников. Иногда я показывала сослуживцам свои вирши, и одна из рукописей попала к тогдашнему редактору журнала «Урал» Валентину Петровичу Лукьянину. За публикацию стихов в журнале отвечали Майя Петровна Никулина и Николай Яковлевич Мережников. Уж не помню, как в точности это произошло, но стихи мои были опубликованы в журнале («Урал», 1993, №7), и с тех пор нечасто, но регулярно я наведывалась в редакцию, общалась преимущественно с Майей Петровной – но не так уж и много.

Вскоре меня известили о приглашении в Москву, на Всероссийское совещание молодых писателей. Оно проходило в феврале 1994 г. в Литературном институте. В «собрание» такого рода я попала впервые, и, естественно, событие это запомнилось. Но если многие из приглашенных ехали в Москву конкретно за тем, чтобы пробиться в столичные издания, вступить в Союз писателей и т.д., то мне тогда это было абсолютно невдомек. Семи-

нар поэтов, в списке которого я обнаружила себя по приезде, вели Юрий Кузнецов и Владимир Костров, но чем-либо, кроме «ура-патриотически-охранительной» замшелости, мне эти занятия не запомнились. Подарком судьбы стало не само совещание, а жизнь в течение нескольких дней в общежитии Литинститута: там я познакомилась с людьми, ставшими потом моими близкими друзьями – поэтами Борисом Рыжим, Еленой Кувшинниковой (Ульяновск), Ниной Ягодинцевой; получила в подарок много книжек и поэтому ощутила «спектр веяний» в поэзии разных регионов страны. На фестивале поэзии в Челябинске в 1998 г. началась моя многолетняя дружба с поэтом Олегом Мошниковым (Петрозаводск), а на I совещании молодых писателей в подмосковных Липках (2001), на семинаре А.С. Кушнера (вот он преподавал – замечательно, хотя и весьма субъективно) мы оказались вместе с Натальей Санниковой, и с ней тоже все эти годы приятельствуем и обсуждаем стихи друг друга. Бесед – и конечно же споров – о стихах, о поэзии в дружеском кругу за все эти годы было столько... Вот это, наверное, и есть главная школа, причём счастливая школа, что и говорить. Без ссор и разминовений не обошлось, но всё-таки основное содержание дружбы – «счастье, когда тебя понимают».

Борис Рыжий в 1994 году еще учился в Горном институте. Там был свой круг поэтов, музыкантов и художников, во многом пересекавшийся с кругом ДК автомобилистов тех и предыдущих лет. Борис познакомил меня со своими друзьями и «коллегами по поэтическому цеху» Алексеем Кузиным, Игорем Воротниковым, Вадимом Синявиным. Немного позже моими постоянными литературными собеседниками стали Аркадий Заstryрец, Евгений Туренко, Максим Анкудинов; потом – Андрей Санников, Сергей Ивкин и так далее, и (я надеюсь!) – так далее... Абсолютное большинство моих друзей и приятелей сегодня – люди пишущие, и я считаю это настоящим везением. Аркадий Заstryрец несколько лет редактировал газету Уральского отделения РАН «Наука Урала», и, по его приглашению, довольно неожиданно для себя я сменила профессию библиографа на журналистику и теперь работаю в этой газете редактором отдела гуманитарных наук.

Некими вехами (скорее всего, в психологическом плане) для литературной биографии я считаю и первую публикацию в «Урале», и публикации стихов в журналах «Знамя» и «Новый мир». По прошествии времени вижу, что важными были не сами эти публикации, а общение с их редакторами – Майей Никулиной, Ольгой Ермолаевой, Юрием Кублановским. Ярким, вдохновляющим и поучительным одновременно было знакомство с одними из моих любимых современных поэтов Евгением Рейном, и как-то летним вечером в

Е.И. с Е. Туренко, 2005 г.

Переделкине – большая беседа с ним, его женой Надеждой и Евгением Евтушенко о книгах и людях, стихах и жизни, прошлом и настоящем. Не то чтобы это как-то повлияло на то, что я пишу или то, как это издаётся, это помогло кое-что понять и в диалектике литературных поколений, и в жизни вообще.

В последние годы – период несколько другой: значительная доля событий «литпроцесса» совершается в интернете – например, не столь уже важны, как прежде, публикации текстов на бумаге. И в то же время оживилась на Урале жизнь клубная и фестивальная, больше стало вокруг собственно литературных произведений и литературного труда – всяческой инфраструктуры: конкурсов, иерархий, забот об имидже и бренде, записи и трансляции... Как и когда люди успевают что-то новое сочинять, – просто непонятно. Однако – успевают. Успеваем. Жизнь продолжается, автобиографию же пока произвольно прерываю.

Август 2012 г.